

...И ДЫХАНИЕ ЗРИТЕЛЬНОГО ЗАЛА

Алла Пугачева — актриса без оглядки. Без оглядки на общепринятые рамки эстрады. На сложившийся стереотип эстрадной певицы. На то, что по неписаному кодексу можно и что нельзя на сцене.

Если нужно ей и ее песне — она не боится быть на эстраде некрасивой и показать лицо, сведенное судорогой боли. Не боится по-мальчишески свистнуть в два пальца. Не боится показаться кому-то нескромной, и может сказать с эстрады: «Я хотела бы царить одна».

Она знает себе цену, и имеет на это право, и каждым концертом это подтверждает, выплескиваясь до конца, не щадя себя для следующего вечера, без оглядки на будущие выступления.

Ее концерты — выламывание из узких рамок, ей тесно, ей мало эстрады, нужны еще — и одновременно — манеж и большая сцена. В одном концерте она — и трагическая певица, и шансонетка в кабачке для простонародья, и проказница-неумейка, и ревнивица-соседка.

Страсть, не боящаяся прожекторов, сила, не признающая половинчатости, сильная и яркая личность — вот что такое Алла Пугачева и ее концерт.

При этом каждый номер — законченная миниатюра. Не просто исполняется песня — но раскрывается история и проживается жизнь.

«Женщина, которая поет», так называется одна ее пес-

ня. Это сказано словно о самой певице. И лучше не скажешь.

— Я покою от естественного своего человеческого состояния, — говорит актриса. — Я просто не могу не петь.

Когда я выхожу на сцену — что у меня есть? Есть репертуар, песня за песней. И есть зрители. Я выхожу к ним с любовью, с благодарностью, что они пришли, заинтересованные во мне. Выхожу на борьбу с ними. Выхожу на самоотдачу. И знаю: если я отдам всю себя — они не смогут этого не почувствовать, и тоже отдадут мне хоть частичку своего сердца. Здесь возможна только взаимность — и без обмана. Поэтому мне трудно на радио и телевидении — мне нужно видеть, чувствовать зрительный зал.

— Простите, Алла, может быть, вопрос вам покажется странным, но... Считаете ли вы себя эстрадной певицей?

— Нет. Я считаю себя музыкальной актрисой, и сейчас, наконец, начинаю ею быть — можно так сказать? Скоро начну сниматься в фильме, условное название которого — «Женщина, которая поет». Поэтому я сейчас мало пою новых песен на телевидении и радио — берегу их для фильма. Кстати, один молодой композитор, который раньше для эстрады не работал, написал для меня сразу четыре новые песни, очень удачные. Это Борис Горбонос. Две его песни я пела в Таллине — «Женщина, которая поет», на слова Кайсына Кулиева, и «Сонет Шекспира» — он положил на музыку 90-й сонет в переводе Маршака. Две другие его песни — на слова Мандельштама, «Ленинград» и «Музыкант».

— Вы сказали, что бережете песни для фильма. А как вообще пополняется ваш репертуар?

— О, очень трудно. У меня

сложное положение. «Мои» песни, как правило, другие певицы не берут. Потому что они мои, именно для такого человека, как я. И песни эти пишут люди, хорошо меня знающие. Чтобы «попало в точку» — нужно, чтобы отражалось именно мое мировоззрение и мироощущение. И с этим ничего не поделаешь.

Я ориентируюсь на хорошую поэзию. Нужны слова, которые, может быть, даже не соответствуют законам поэзии, но западают в душу. Такие слова к песням пишет Леонид Дербенев. Причем — и это редкость! — он может писать слова на готовую музыку. Обычно мы работаем втроем. Композитор Александр Зацепин, поэт Леонид Дербенев и я. Они мои друзья, знают меня и что мне нужно. Лучше ли, хуже — но у нас получается то, к чему мы стремимся. Вообще могу работать только с людьми, хорошо знакомыми. Даже конструктор-модельер

постоянный — Любовь Харчук.

— А вы не работаете с режиссером? Ведь сделать из каждого номера законченную сценическую миниатюру необыкновенно трудно.

— Нет, не работаю. Я сама учусь на отделении эстрады в ГИТИСе, именно режиссуре песни, потому что это действительно необходимо. Ведь останавливаться нельзя. «Арлекино», например, — это монолог от образа. Но я перехожу на свои монологи. А зритель привык к «Арлекино». Нужно сделать не хуже, и не менее убедительно. Ведь номер на эстраде может быть разным — и детским, и монооперным.

— Да, ваш концерт действительно музыкальный театр миниатюр.

— А это моя мечта — создать театр песни. Экспериментальный театр, пробовать, искать, ошибаться — и находить. Именно в плане зрелищности.

— Когда слушаешь и смотришь вас, особенно «Арлекино», вспоминаешь театр-балаган Мейерхольда, «Балаганчик» Блока.

— Арлекинада — это мое. В ГИТИСе мой педагог — клоун Андруша, Андрей Николаев. Замечательный клоун. Я очень люблю цирк. Знаю не только его арену в огнях, но и его «кухню». Как вы думаете, кого в цирке больше всех жаль? Слонов. Они такие трусливые. Если бы вы знали, как боятся слоны!.. И если не заставить слона, когда он боится, выйти на арену и работать — все. Он кончит, как артист. У него боязнь сцены начнется. Совсем, как у людей.

Нельзя давать себе поблажек.

Живем один раз, не хочется разбрасываться. Нужно успеть сделать то, что считаешь нужным и важным.

Этери КЕКЕЛИДЗЕ.